

XXII

Семья Романовых

Вс. Москва. - 2000. - 21 июля. - С.3

глазами семьи Панфиловых

Пресс-конференция авторов картины «Романовы. Венценосная семья» собрала множество народа. Ее представляли сам Панфилов и его супруга Инна Чурикова (выглядит потрясающе!), которая вместе с ним писала сценарий.

Марьяна СИДОРЕНКО

— Глеб Анатольевич, как родилась идея рассказать о царской семье, об их последних днях?

— Я задумал фильм еще 12 лет назад, когда работал над картиной «Мать». Тогда я прочитал записки следователя, который вел дело о расстреле Семьи. Я много времени провел в архивах. Мы с Инной перечитали множество книг, статей. Сильное воздействие на меня оказал роман Солженицына «Красное колесо». Сценарий мы написали в общем-то довольно быстро — он был готов уже в 1990 году. И начали искать деньги. Тут нам неоценимую помощь оказал наш продюсер — Владимир Бычков. Снимали мы тоже не так чтобы и долго, нормально.

— Идея сделать этот фильм, — вступает в разговор Инна Чурикова, — была почти маниакальной.

Глеб жил ею еще тогда, когда тема была запрещена. А потом идея стала модной. Я много помогала Глебу, штудировала источники. Мы вместе разминали ситуацию.

— Как вы нашли эту замечательную актрису на роль императрицы? И почему эту роль сыграла англичанка, а не Чурикова, например?

— Ну, во-первых, императрица — внучка английской королевы Виктории, она воспитывалась в Англии, а это не просто воспитание, это особый стиль поведения, особая стать. Нам показалось, что английская актриса и должна играть ее. Линда играла на своем языке, а Саша Галибин — на русском. Но они после долгих репетиций так вошли в образы, что это перед камерой совсем не ощущалось.

В разговор вступает Линда Беллингхем:

— Глеб и Инна пришли ко мне прямо на съемки. Я играла героиню костюмной драмы. Прочитала кусочек сценария и сразу же загорелась этой ролью. Попросила, чтобы на меня надели старинное платье моей героини,

которую тогда играла. И прочла Глебу отрывок из роли Александры. Ему очень понравилось.

— В фильме звучит симпатичная мелодия, которую якобы написал великий князь Михаил Александрович. Это действительно его сочинение?

— Нет конечно, это оригинальная музыка, немного стилизованная под ту эпоху.

— Ходят упорные слухи, что чуть ли не в августе состоится канонизация последнего русского царя и членов его семьи. Как вы к этому относитесь?

— Если это случится, я буду очень рад.

— В фильме прекрасно подобраны исполнители ролей дочерей и сына императора. Откуда они?

— Ксения Качалина, которая играет Татьяну, известная молодая актриса. Оля Будина, наша Анастасия, когда мы ее приглашали, еще была студенткой. Но и у нее уже за плечами около 10 фильмов. Володя Грачев — цесаревич Алексей — в будущем году заканчивает школу. Кем станет, пока не решил.

— Вы наверняка видели фильмы, в которых шла речь о последних днях царской семьи — «Николай и Александра», «Агония», «Цареубийца».... Что нового вы хотели сказать?

— Я хотел в первую очередь показать Семью. В тех фильмах много внимания уделялось внешним событиям. А для нас главными были человеческие отношения Романовых — мужа, жены, отца, матери, сына, дочери. Не случайно так часто наши герои говорят друг другу: «Я тебя люблю».

— Я хотел в первую очередь показать Семью. В тех фильмах много внимания уделялось внешним событиям. А для нас главными были человеческие отношения Романовых — мужа, жены, отца, матери, сына, дочери. Не случайно так часто наши герои говорят друг другу: «Я тебя люблю».

Княжны собрались в купе у брата. А отряд екатеринбургской ЧК уже оцепил поезд

Окончание. Начало на 1-й странице

Наталья СИРВИЛЯ

Фильм Г. Панфилова представляет собой бесконечный эпос об изменении бытовых условий жизни царской семьи, начиная с февраля 1917 и вплоть до екатеринбургского расстрела. Александровский дворец в Царском Селе, Царский поезд, где было подписано отречение, Губернаторский дом в Тобольске, Дом Ипатьева в Екатеринбурге. Полосатые кровати князей и наследника,

игрушки, туалеты барышень, сервировка стола, фотографии в рамках, челядь, доктора, ширмы, ковры, статуи. С каждым поворотом «красного колеса» предметов роскоши становится все меньше, помещения все теснее, почетный караул сменяется тюремной стражей — поначалу почтительно-вежливой, потом все более жестокой и наглой. Мы следим за температурой больных детей, за тем, как обрастают стриженные после кори головки великих князей, разделяем мучительное беспокойство царской

четы по поводу ушибленной колески наследника (гемофилия даже подкожное кровоизлияние делает предельно опасным) — а за кадром рушится пропасть великая полуазиатская империя, которую прекрасный семьянин и скверный государь Николай Александрович Романов не удосужился удержать в своих слабых и нервных руках.

В том, что правитель он был никакой, фильм не оставляет ни малейших сомнений. Единственное желание государя (А. Галибин) — спрятаться под

крылышком властной Александры (Линда Беллингхем), укрыться в изысканной семейной раковине. Сцена подписания отречения, где правитель всея Руси, отложив перо, тщетно пытается подтянуться на турнике — апофеоз чисто человеческой слабости, которая была бы вполне извинительна, если бы не повлекла за собой парочку революций, Гражданскую войну, приход к власти откровенных подонков, миллионы погибших от голода, тифа, расстрелов. Страдания царской семьи — лишь капля в море ужасающих бедствий, постигших страну, которая, как перевернутая пирамида, покоилась на шатком основании единодержавия. И

как бы мы сегодня вместе с Глебом Панфиловым ни любовались выглаженными блузками, прямыми спинами и хорошими манерами благородных князей, как бы ни умилялись любовной идиллией царя и царицы, сколько бы ни пускали слезу над кочаном капусты в брошенном царском огороде или над камушками в бархатном мешочке наследника, все, что за этим, — неизмеримо страшнее. Семью расстрелянных заложников истории — жалко; они до последнего момента вели себя «хорошо», останки их через 80 лет наконец-то упокоились в некрополе Петавловского собора, и слава Богу! Однако ракурс, избранный Панфиловым для рассказа о последних месяцах царской фамилии, не дает оснований для создания того потрясающего исторического полотна, на которое режиссер явно замалчивался. Человеческой трагедии здесь нет — никто по масштабу личности не тянет на трагического героя; трагедия историческая остается вне поля зрения; и фильм, утоляя в какой-то мере историческое любопытство и пробуждая сентиментальное сочувствие к милым, благовоспитанным людям, попавшим в сложную ситуацию, остается, несмотря на продолжительность съемок и постановочный размах, лишь скромным опусом в жанре «реконструкции реальных событий» — жанре, пользовавшемся большим успехом на заре кинематографа.

Короли и капуста